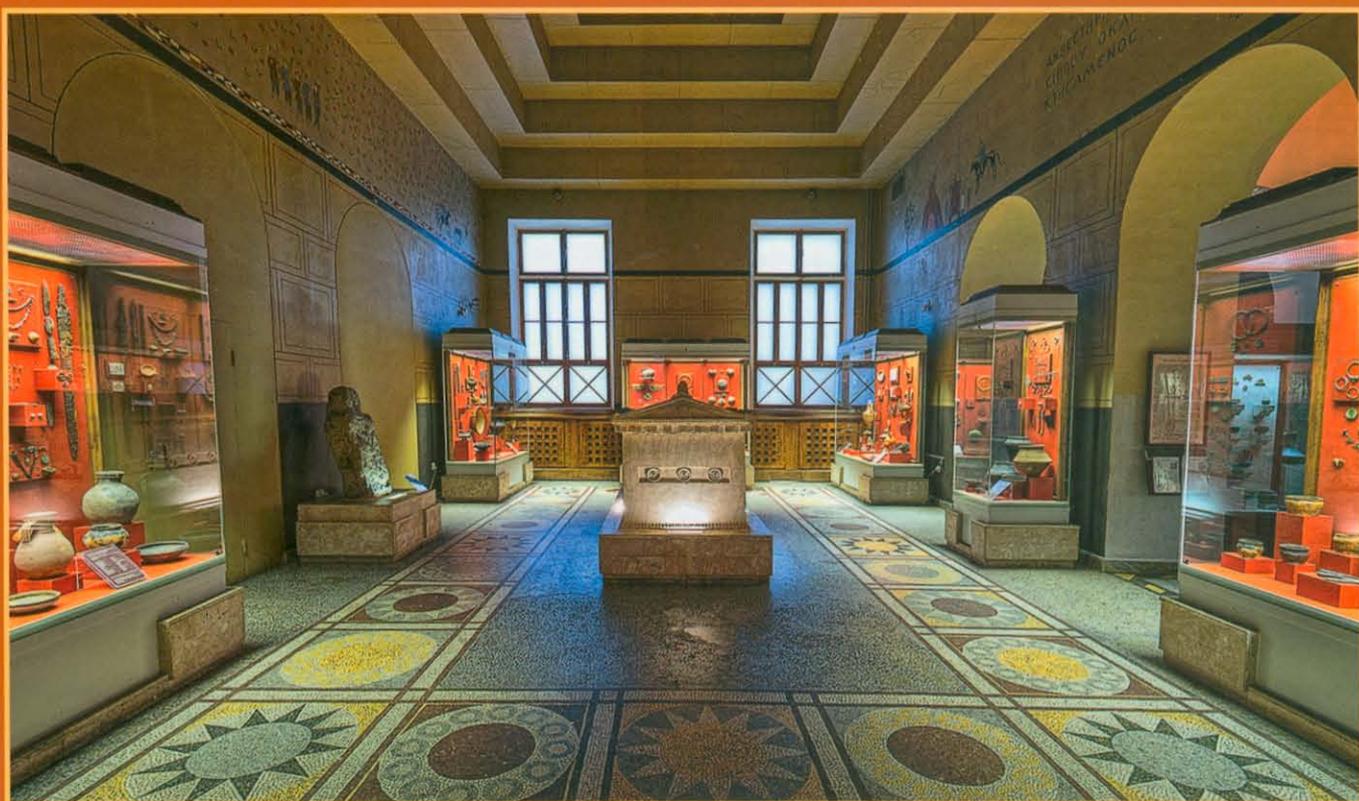

Государственный
исторический музей
и отечественная археология

К 100-летию отдела археологических памятников

**Государственный исторический музей
и отечественная археология.**

к 100-летию отдела археологических памятников

Научные редакторы: *канд. ист. наук Д.В. Журавлев,*
докт. ист. наук Н.И. Шишина

УДК 902/904
ББК 63.4
Г72

Сборник утвержден на заседании Проблемного совета
отдела археологических памятников Исторического музея
10 февраля 2014 г.

Рецензенты: *канд. ист. наук Г.А. Ломтадзе, канд. ист. наук Н.А. Хайкунова*

Г72 **Государственный исторический музей и отечественная археология:** к 100-летию отдела археологических памятников. – М., 2014. 304 с.: ил.

ISBN 978-5-89076-285-6

В 1914 г. археологический отдел (в то время – отдел древностей первобытных и курганных) получил статус структурного подразделения Российского Императорского Исторического музея. Первыми экспонатами, внесенными в Главную инвентарную книгу РИМ, были археологические находки, именно они на тот момент составляли основу всего музейного собрания. На сегодняшний день в музее хранится более полутора миллионов археологических памятников.

Настоящий сборник рассказывает, как развивался археологический отдел ГИМ на протяжении целого века своего существования, как формировались его коллекции и организовывались археологические экспедиции, какие трудности переживали его сотрудники. Кроме того, в книге подведены некоторые итоги хранительской, научной и экспедиционной деятельности отдела.

УДК 902/904
ББК 63.4

ISBN 978-5-89076-285-6

© Исторический музей, 2014
© Журавлев В.Д., Шишлина Н.И., составление, 2014
© Белов А.Н., художественное оформление, 2014

К 100-летию отдела археологических памятников Государственного исторического музея

Археологические древности, как часть музейного собрания, составили основу коллекций Российского Императорского Исторического музея в момент его основания. Первыми экспонатами, внесенными в Главную инвентарную книгу музея, были археологические находки с Северного Кавказа, да и само основание музея в 1872 г. связано с Политехнической выставкой, на которой, помимо всего прочего, экспонировались предметы из древнего Херсонеса. Несмотря на это, статус структурного подразделения музея археологический отдел (в то время — отдел древностей первобытных и курганных) получил только в 1914 г. Первым его заведующим стал старший хранитель В.А. Городцов.

С тех пор прошло сто долгих лет музейной жизни. Менялись эпохи, сотрудники, стиль и даже название музея и отдела, поступали новые коллекции, создавались различные экспозиции и выставки, издавались книги. Неизменными оставались лишь сокровища древних цивилизаций и памятники материальной культуры, хранящиеся в фондах Исторического музея. Археологические памятники — особый источник информации. В невзрачных фрагментах керамики эпохи неолита или осколках античных стеклянных сосудов скрыта безымянная история многих народов и племен. На сегодняшний день в Историческом музее хранится более полутора миллионов археологических памятников с территории не только «одной шестой части суши» — бывшей Российской империи и Советского Союза, — но и из Германии, Дании, Франции, Италии, Греции, Кипра, Палестины, Египта и т. п.

Археолог в нашем музее — это не только хранитель вверенных ему коллекций, но и пылкий исследователь, творческий человек, создающий выставки и экспозиции, эмоциональный рассказчик и даже менеджер. При этом он остается истинным Хранителем российских музейных традиций XIX—XX вв., которые были заложены организаторами музея и, конечно, его первыми штатными сотрудниками — археологами А.С. Уваровым, В.И. Сизовым, И.Е. Забелиным, В.А. Городцовым.

«Чистки» и репрессии 1930-х гг., суровое время войны, эвакуации и послевоенного восстановления музея, идеологическая борьба с безграмотными чиновниками от науки и культуры в 1950-х — 1970-х гг., работа «на выживание» в самом начале 1990-х гг., бесконечные упаковки фондов и переезды, долгосрочный ремонт — это лишь часть истории коллектива археологов, тесно переплетенной с историей ГИМ и всей страны...

В разное время в археологическом отделе работали ученые, ставшие классиками археологической науки: М.П. Абрамова, А.В. Арциховский, А.С. Башкиров, Н.А. Богданова, А.Я. Брюсов, Е.В. Веймарн, В.В. Гольмстен, В.А. Городцов, Б.Н. Граков, И.И. Гущина, П.А. Дмитриев, Л.А. Евтюхова, Л.А. Ельницкий, П.П. Ефименко, А.А. Захаров, С.В. Киселев, Д.А. Крайнов, О.А. Кривцова-Гракова, Е.И. Крупнов, В.П. Левашова, В.А. Мальм, Т.Б. Попова, Н.В. Пятышева, Б.А. Рыбаков, А.П. Смирнов, Н.П. Сорокина, Д.Л. Талис, Н.В. Трубникова, Э.А. Федорова-Давыдова, М.В. Фехнер, М.Е. Фосс, И.К. Цветкова, Д.Н. Эдинг и многие другие специалисты.

Представляя юбилейный сборник в 2014 г., мы надеемся, что смогли показать, как развивался археологический отдел Исторического музея на протяжении целого века своего существования, как формировались его коллекции и организовывались археологические экспедиции, какие трудности переживали его сотрудники. В книге мы постарались подвести некоторые итоги хранительской, научной и экспедиционной деятельности отдела.

Н.И. Шишлина, Д.В. Журавлев
2014 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Д.В. Журавлев, Н.И. Шишлина. К 100-летию отдела археологических памятников Государственного исторического музея	4
--	---

ИСТОРИЯ ФОНДОВ

И.В. Белоцерковская. Введение в археологические фонды Государственного исторического музея.....	6
В.А. Трифонов, Н.И. Шишлина. Дольмены у станицы Царской, раскопанные Н.И. Веселовским в 1898 г.: архивные материалы.....	25
Н.Ю. Петрова. Памятники афанасьевской культуры в собрании ГИМ.....	44

НАУЧНЫЕ ТРАДИЦИИ

С.С. Зозуля, С.Ю. Каинов, А.А. Гомзин. Клад куфического серебра из Гнездова. 2010 г.	50
Е.А. Кашина. Энеолитические каменные шлифованные орудия для обработки дерева из раскопок поселения Великодворье 1 (Московская обл.): морфологический и пространственный анализ по результатам ремонтажа	74
А.П. Мошинский. Кавказ и скифы в V–IV вв. до н. э. (по материалам Горной Дигории)	82
И.В. Белоцерковская. Уникальное ожерелье из рязано-окского могильника	94

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЭКСПЕДИЦИИ. ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ

А.А. Симоненко. Крымская археологическая экспедиция Исторического музея. 1935–1940 гг.....	106
Е.Г. Застрожнова (Панкратова). Фанагорийская археологическая экспедиция Государственного исторического музея. 1936–1937, 1939 гг.....	112
Л.О. Гриненко, Л.В. Седикова. «...Народу херсонеситов, к которому и я себя причисляю». О херсонесских экспедициях Государственного исторического музея под руководством Н.В. Пятышевой. 1945–1975 гг.....	126
Н.И. Шишлина. Археологический источник и изотопная геохимия: интерпретация находок Степной археологической экспедиции Исторического музея.....	141
Д.В. Журавлев, У. Шлотцауер. Некоторые итоги работ Боспорской археологической экспедиции на Таманском полуострове. 2006–2013 гг.....	150
В.В. Мурашева. «Град велик и мног людьми». Некоторые итоги исследований Смоленской экспедиции Исторического музея.....	187

ХРОНИКА МИНУВШИХ ЛЕТ

П.Г. Гайдуков. Переписка А.В. Орешникова и В.А. Городцова	204
Л.В. Грехова. Страницы истории отдела археологии: 1962–1974 гг.	209
С.В. Студзицкая. Воспоминания о Т.Б. Поповой.	217
А.П. Мошинский. Ехали мы, ехали... ..	221

ПРИЛОЖЕНИЕ

Отдел археологических памятников Государственного исторического музея: краткая историческая хроника. Часть первая: 1873–1935 гг.	232
С.В. Макаренкова. Библиографический указатель изданий по археологии Государственного исторического музея	289
Список сокращений.....	300

В.В. Мурашева

«Град велик и мног людьми».

Некоторые итоги исследований Смоленской экспедиции Исторического музея¹

В 1995 г., в рамках комплексной экспедиции, организованной совместно с кафедрой археологии исторического факультета МГУ, Исторический музей возобновил полевые исследования Гнездова. Гнездовский археологический комплекс — один из самых крупных и лучше всего сохранившихся памятников периода образования Древнерусского государства (конец IX — начало XI в.). Он расположен на Днепре, на 15–20 км по течению реки ниже Смоленска и состоит из поселения и некрополя, насчитывавшего в начале XX в. более четырех тысяч курганов. Протяженность отдельных частей памятника — 5 км вдоль Днепра. Его «ядром» является Центральное Городище, вокруг которого расположено поселение, общей площадью не менее 30 га.

Гнездово, безусловно, было свидетелем многих бурных политических событий начального периода русской истории. По мнению большинства исследователей (Спицын, 1905. С. 7; Нефёдов, 1998. С. 31–42; Пушкина, Мурашева, Ениосова, 2012. С. 242–243), это и есть тот древний Смоленск IX–X вв., который упоминается в русских летописях — «град велик и мног людьми», — мимо которого в 863 г., по свидетельству Устюжского Летописца, проплывали Аскольд и Дир, продвигаясь на юг к Киеву и Константинополю. На территории современного Смоленска самые ранние культурные напластования датируются лишь серединой XI в. По масштабам же, памятник сопоставим лишь с крупнейшими городскими центрами своей эпохи, такими, как Чернигов и Киев.

Гнездово — традиционное место археологических исследований Российского Исторического музея. Первые раскопки памятника в 1874 г. осуществил М.Ф. Кусцинский по инициативе графа А.С. Уварова, а масштабные работы по изучению курганов были нача-

ты ученым секретарем музея В.И. Сизовым. Публикация Сизовым материалов из погребальных памятников, связанных с древнерусской дружиной, сделала Гнездово знаменитым (Сизов, 1902). Обилие материалов, свидетельствующих о присутствии там выходцев из Скандинавии (варягов), породило длительную дискуссию о характере памятника. Ни одно исследование, посвященное так называемой «норманской теории», не обходится без рассмотрения материалов из Гнездова. И, несмотря на столь долгую историю исследований, каждый полевой сезон приносит новые открытия.

Палеоландшафтные исследования

Первые полевые работы 1995 г. были связаны с охранными раскопками на месте частной застройки на территории центрального селища. С 1999 г. экспедиция Исторического музея проводит стационарные исследования на пойменной части поселения² (рис. 1). Культурный слой в затопляемой пойме открыли лишь в середине 1990-х гг., это изменило представление исследователей о топографии и размерах памятника — был обнаружен новый участок посада древнего Гнездова (Пушкина, Мурашева, Нефёдов, 2001).

На пойменном секторе слой «запечатан» аллювиальными отложениями, сформировавшимися в ходе весенних разливов реки (мощность аллювия колеблется от 70 см до 3 м). Наличие мощного аллювиального «одеяла» обусловило уникальную сохранность слоя и уберегло его от всех видов антропогенного воздействия, прежде всего, от распашки.

В силу особенностей расположения пойменного сектора (его близости к реке) ландшафтная приуроченность расположенных

¹ Статья подготовлена при поддержке фонда РГНФ, проект 14-01-180 25«е»

² В составе работы экспедиции в разные годы принимали участие многие сотрудники ГИМ и других организаций: С.А. Авдусина, С.С. Зозуля, А.А. Кадиева, Г.А. Камелина, С.Ю. Каинов, Н.А. Малышева, С.А. Стефутин, С.А. Рузанова, А.А. Фетисов и др.

Рис. 1. Совместная экспедиция Исторического музея и кафедры геоморфологии географического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. Январь 2007 г.

там объектов намного выше, чем на других участках памятника. Природно-ландшафтная ситуация на данном участке динамично менялась, плодотворные и целенаправленные исследования данной территории оказались невозможны без палеоэкологических исследований и реконструкции древнего ландшафта. Поэтому важной частью полевых работ стали многолетние комплексные исследования, направленные на реконструкцию палеоландшафта пойменной части поселения. Использование разнообразных естественно-научных методов позволило сделать вывод, что в период позднего голоцена Днепр последовательно отступал от края первой надпойменной террасы. Был установлен этап, соответствующий периоду жизни Гнездова IX–XI вв. Река располагалась на 80–90 м ближе к Центральному городищу, чем в настоящее время (Александровский, Кренке, Нефёдов, 2005. С. 112–123; Мурашева, Панин, Фетисов, 2009. С. 141). Для проверки полученных построений в 2010 г. на южной окраине распространения культурного слоя, в районе гипотетической «пляжной зоны» древнего русла реки заложили раскоп-траншею. В ее южной части была выявлена

зона смещения и оползания слоев, связанная с подмывом берега рекой. Были обнаружены также остатки сгоревшего настила, сломанного и смещенного вместе со слоем обрушения берега (рис. 2). Таким образом, реконструкция местоположения русла Днепра в IX–XI вв., полученная в ходе предшествующих исследований, полностью подтвердилась (Мурашева, Стефутин, 2011. С. 49–50).

Особенности залегания культурного слоя на пойме определяют специфику методов полевых исследований данного участка. Обратной стороной прекрасной сохранности погребенного под толщей речных отложений слоя стала невозможность без предварительной разведки определить наличие и характер слоя на различных участках. В 2005 г. в пойменной части поселения начались первые опыты по предварительному изучению культурного слоя и древнего ландшафта Гнездова геоморфологическими методами (совместно с кафедрой геоморфологии географического факультета МГУ)³. Основными задачами этой работы были: определение малоинвазивными методами (без сильного вторжения в слой, как, например, при шурфовке) наибо-

³ Руководитель работ – доцент кафедры геоморфологии А.В. Панин.

Рис. 2. Доски настила, сломанные в результате береговых обрушений

Рис. 3. Ручное бурение. Январь 2007

лее перспективных участков для проведения дальнейших археологических работ; установление границ культурного слоя в пойме; выяснение времени образования расположенного непосредственно под городищем озера Бездонка и его размеров в X—XI вв. Для решения этих задач использовалось, прежде всего, ручное бурение, которое осуществлялось по сетке с шагом в 20 м. (рис. 3).

Результаты бурения на сухой части поймы позволили установить изменения характера культурного слоя по площади, составить карту распространения культурного слоя и получить предварительную информацию о его мощности и характере, а также выявить участки с переувлажненным слоем, содержащим органические остатки. Оказалось, что территория использовалась обитателями Гнездова избирательно, существуют участки, где культурный слой отсутствует. Выяснилось, что особенности древней топографии в значительной степени определяли характер использования тех или иных участков в гнездовское время. Фиксация прослоек аллювиальных отложений в составе культурного слоя позволила утверждать, что во время весенних разливов Днепра значительная часть пойменного сектора покрывалась водой, незатапливаемым оставался лишь самое высокое место — вал между двумя расположенными там озерами (Мурашева, Панин, Фетисов. 2009. С. 134—138).

Результаты исследований палеоландшафта позволили поставить иные, сугубо исторические задачи — реконструкция топографии памятника и разработка вопросов хронологии. Данные вопросы тесно связаны с ключевыми проблемами истории Древнерусского государства на ранних стадиях его существования.

Отдельной задачей стали поиски структур, связанных с функционированием Гнездова как речного порта. Весь корпус находок, полученных в результате многолетних исследований памятника, свидетельствовал о включенности его в структуру речного торгового пути, пути «из варяг в греки». Однако никаких подтверждений портовой деятельности жителей древнего Гнездова так и не было выявлено. Лишь косвенные данные указывали на возможное кораблестроение — это, прежде всего, необыкновенно высокий процент конопли в споро-пыльцевом спектре. Конопля составляет 5% всех пыльцевых зерен. Подобная картина характерна для многих памятников

Балтийского региона эпохи викингов и связывается исследователями с производством веревок и канатов, необходимых в корабельном деле (Бронникова, Успенская, 2007. С. 173). Вторым важным свидетельством является обилие корабельных заклепок, в том числе и полуфабрикатов (шайбы с непробитыми отверстиями) в составе культурного слоя поселения, а также наличие погребений в ладьях в некрополе Гнездова (Спицын, 1905. С. 44, 46—47).

В рамках поставленных задач в 1999—2013 гг. были изучены различные участки пойменного сектора (рис. 4): 1) «притеррасный» (расположен в притеррасном тыловом шве); 2) «центральный» (на валу между озерами); 3) «портовый» (на восточном берегу озера Бездонка); 4) «прибрежный» (в районе береговой линии древнего русла Днепра). Исследования выявили неоднородную структуру поселения, наличие различных зон (селитебных и производственных), а также участков, связанных с портовым хозяйством древнего Гнездова.

«Притеррасный» участок

Первым на территории пойменной части поселения был исследован переувлажненный участок с сохранившимся деревом, непосредственно примыкающий к надпойменной террасе (раскоп П-2, площадь 100 м²). Прекрасно сохранившиеся культурные напластования и сложная стратиграфия позволили реконструировать историю освоения данного, на первый взгляд совсем не пригодного для жизни, участка (Мурашева, Авдусина, 2007. С. 8—30).

Нижнюю часть напластований составляет заполнение притеррасной низины, которая является остатком древней старицы. На начальной стадии существования поселения ложбина стояла открытой, в составе ее заполнения были найдены первые гнездовские деревянные поделки. Со временем отношение к данному участку менялось, и канава постепенно засыпалась песком, чтобы удобнее было пересекать заболоченную низинку между «верхней» частью поселения, расположенной на террасе, и «нижним» пойменным участком. Благоустройство данного участка было связано, вероятно, с потребностью в расширении территории поселка.

В составе заполнения ложбины обнаружены первые, хотя и нехитрые, бытовые сооружения из дерева — две пары мостков (ранее были зафиксированы лишь конструкции погребальных камер). Одни мостки (размером

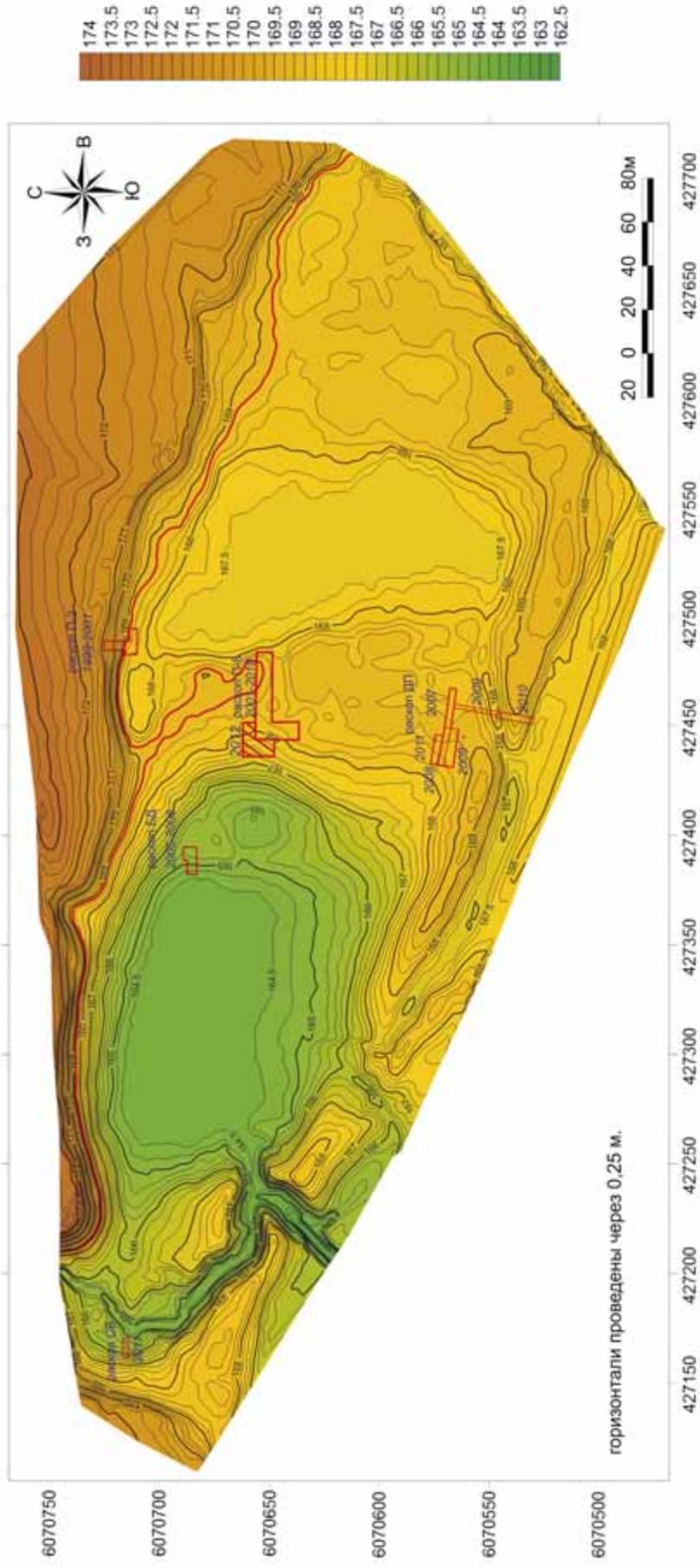

Рис. 4. Цифровая модель рельефа пойменной части поселения Гнездовского археологического комплекса

Рис. 5. Деревянные мостки притеррасной части поселения

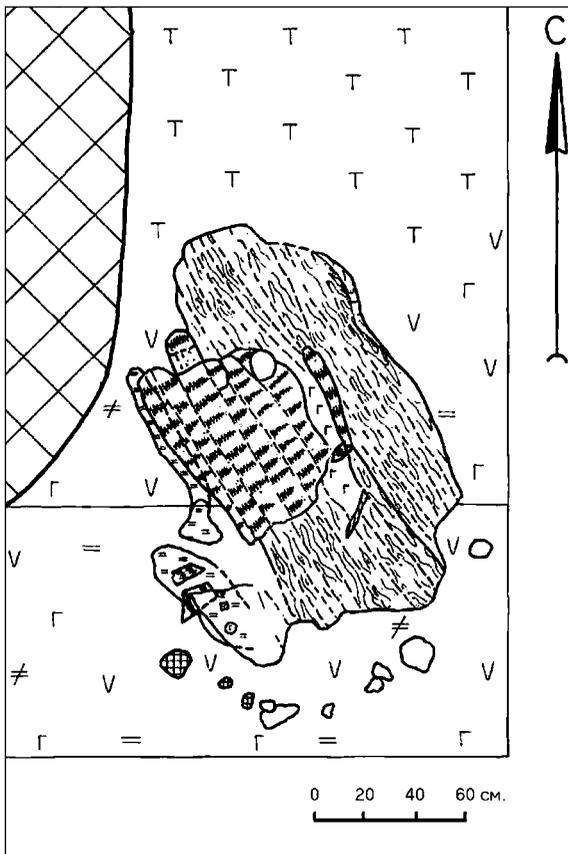

Рис. 6. Прогоревший настил под купольной печью

около 240×120 см) сооружены из плотно уложенных на поперечных лагах кольев, длиной до 140 см (рис. 5). Концы некоторых кольев обожжены, вполне вероятно, что это их вторичное использование. Вторые мостки имели совершенно иную конструкцию. Они представляли собой настил из досок (280×70 см), также уложенных на небольшие лаги. Обе пары мостков построены для прохода через заболоченную ложбину у подножья террасы (Мурашева, Авдусина, 2007. С. 9–10).

На финальном этапе на песчаной засыпке и перекрывающем ее слое оторфованного строительного мусора были возведены постройки (два строительных яруса), от которых сохранились остатки отопительного сооружения и небольшая купольная печь. Печь подобной конструкции обнаружили в Гнезде впервые. Остатки печи представляли собой плотную глиняную подушку размером 160×90 см, составленную из прослоек глины различной степени прокаленности. Печь была возведена с использованием жердевого каркаса, отдельные обгоревшие прутья, составлявшие его, сохранились в толще глиняного пятна. Подобный способ возведения свода печи встречается не часто, но тем не менее неоднократно зафиксирован в ходе археологических исследований (Раппопорт, 1975. С. 151). Этнографические данные свидетельствуют, что он применялся вплоть до середины XX в., например, на территории Молдавии (Бломквист, 1956. С. 260). Печь стояла на хорошо сохранившемся деревянном настиле (рис. 6). Под рабочей камерой помост изрядно обуглен, диаметр внутренней камеры печи составлял около 60 см. Ее небольшие размеры указывают на то, что она не являлась отопительным сооружением, а использовалась, возможно, для выпечки хлеба или приготовления пищи. Аналогии данной печи встречаются в ряде памятников на территории Восточной Европы. Хлебная печь была обнаружена в Старой Ладоге (Петренко, Носов, 1986. С. 9); комплекс из пяти глинобитных печей исследовался на Рюриковом городище (Носов, 1990. С. 51–61; Семенов, 1997. С. 180–190).

Количество находок в районе сооружений относительно невелико, однако среди них присутствуют три скандинавских амулета (кресаловидная подвеска и две подвески в виде миниатюрных предметов оружия; рис. 7).

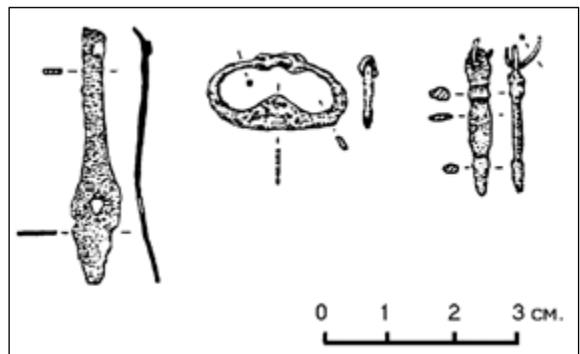

Рис. 7. Скандинавские амулеты: 1 — кресаловидная подвеска; 2 — амулет-копье; 3 — амулет-меч

Большая часть дерева, обнаруженного во влажном песке — это обрубки бревен и толстых веток. Среди беспорядочно расположенных фрагментов дерева найден и ряд предметов. «Деревянный мир» Гнездова, конечно, пока еще весьма скромнен, по сравнению с Новгородом и Старой Ладогой, однако, найденные предметы несут информацию о самых разных областях жизни обитателей Гнездова. Наиболее интересными находками можно считать дугообразный шпангоут ладьи, счетную палочку, деталь саней (копыл) и фрагменты весел (Мурашева, Авдусина, 2007. С 11. Рис. 4–7).

Самым существенным итогом исследования «притеррасного» участка является целая серия абсолютных дат, полученных с помощью радиоуглеродного и дендрохронологического анализов образцов дерева. Радиоуглеродный анализ дает значительный разброс дат — от I до XI в. н. э. Это может объясняться старичным происхождением низины, из песчаной засыпки которой взяты образцы, и не позволяет исключить возможность попадания в нее древесины в период, предшествующий Гнездову. Наиболее точной представляется дата, полученная с помощью дендрохронологического анализа ствола дерева, имевшего наибольший из всех исследованных образцов возраст (134 года). Эту дату — 1002 г. — подтверждают результаты радиоуглеродного анализа двух образцов, взятых из разных серий годичных колец ствола того же дерева. Таким образом, можно датировать два вышележащих строительных горизонта началом XI в. (Мурашева, Авдусина, 2007. С. 12–13), это играет существенную роль для определения времени «финала» Гнездова. Анализ материалов притеррасного участка полностью подтверждает мнение о том, что и в начале XI в. Гнездово оставалось раннегородским центром. Можно констатировать, что характер материала, набор находок ничем принципиально не отличаются от других материалов «классического» Гнездова. Очевидно, сохраняется и полиэтничный состав населения.

«Центральный» участок

Участок (раскоп П-8) расположен в самой высокой части пойменного сектора поселения — между двумя небольшими внутренними озерами (Камыши и Бездонка). Сложная стратиграфия, насыщенность многочисленными сооружениями и обилие находок сде-

дали этот участок базовым для изучения планировки гнездовского посада и динамики ее изменения. За полевые сезоны 2001–2013 гг. здесь исследовано 376 м² (раскоп П-8).

Наиболее интересным, из изученных объектов является целая система ювелирно-кузнечных мастерских. Результаты исследования показали, что некоторые разновременные сооружения, сменяя друг друга, наследуют единую структуру и являются не просто совокупностью последовательно сменяющихся объектов, а, по сути, постоянно подновляемым единым комплексом (материалы мастерской в значительной степени опубликованы: Мурашева, Ениосова, Фетисов, 2007. С. 31–77). Анализ материала позволяет ограничить время существования производственного комплекса на пойме промежутком от второй четверти X в. до рубежа X–XI вв.

Находки кузнечных горнов и мастерских, связанных с ювелирной деятельностью, — большая редкость для эпохи викингов. Даже если наличие на том или ином памятнике ювелирного производства документируется находками литейных форм и бракованных изделий, следы производственных мастерских могут отсутствовать. Это связано, прежде всего, с тем, что выплавка цветных металлов могла происходить в небольших очажках, рассчитанных для помещения одного тигля. Идентифицировать подобное несложное сооружение как производственное можно, лишь используя специальные методики (Söderberg, 2002. P. 264). Тем интереснее объекты, обнаруженные на территории гнездовской поймы, они дают представление о различных типах производственных сооружений. Ядром исследованного производственного центра в течение нескольких десятков лет на данной территории оставалась кузнечная мастерская. Полученные данные позволяют проследить динамику изменения конструкции кузницы и говорить о четырех сменяющих друг друга, типах сооружений.

Самый ранний объект представлял собой углубленную двухкамерную восьмеркообразную конструкцию. Многочисленные шлаки указывают на связь данного сооружения с металлообработкой. Большая часть шлаков представляет собой фрагменты ошлакованной части глиняной обмазки очага, их суммарный вес не превышает 700 гр. В пределах сооружения зафиксировано два массивных куска кузнечного шлака весом 800 гр. Эти конгломераты продуктов коррозии железа, мелких углей,

кальцинированных костей и глины имеют выпукло-вогнутую форму (рис. 8), типичную для шлаков, образующихся на дне очага при кузнечных работах (Bayley et al, 2001. P. 15, fig. 21). Очаг, вероятно, располагался в одной из камер постройки. Вторая камера предназначалась для размещения мехов, либо использовалась как емкость для хранения флюсов. Подобная конструкция археологически зафиксирована в средневековом Тронхейме при раскопках мастерской середины XII в. (McLees, 1996. P. 128, fig. 10). Полное отсутствие фрагментов тиглей может говорить о том, что производственная деятельность была связана только с обработкой черных металлов. Примечательно, что в слое мастерской зафиксирован маркер присутствия выходцев из Скандинавии — фрагмент железной шейной гривны (рис. 9).

На следующем этапе был сооружен горн иной конструкции, он представлял собой чаше-

образную яму, вдоль стенки которой возвели невысокую глиняную стену, которая защищала мехи от воздействия высоких температур. Среди фрагментов обожженной глины имела часть сопла. Кузнечный горн подобного вида можно реконструировать на основе материалов из раскопок Хедебю (Westphalen, 1989. S. 79. Abb. 26). Об усложнении производственных процессов свидетельствует набор находок, связанных с металлообработкой. Если ранее зафиксирована лишь обработка железа, то на данном этапе можно говорить о полифункциональном характере мастерской, сочетающей ювелирное дело и обработку железа, что документируется как находками тиглей и фрагментом свинцово-оловянного слитка, так и довольно многочисленными железными шлаками. Сочетание цветной и черной металлообработки характерно для раннесредневекового ремесла.

Все сооружения данного этапа погибли в результате пожара, после которого поверхность была сnivelирована и перекрыта слоем материковой супеси (т. н. «горизонт нивелировки»), который хорошо читается в заполнении ям и на поверхности погребенного дерна, составляя на части участка единый хорошо вычленяемый слой. Анализ коллекции бус позволил датировать горизонт «нивелировки» — 950-е гг. (Френкель, 2007. С. 108). Археологические материалы дают уникальную возможность реконструировать важные политические процессы, происходившие в Верхнем Поднепровье в середине X в. Очевидно, что пожар, уничтоживший сооружения третьего этапа, связан с важными событиями в жизни обитателей Гнездова. На это указывают изменения в материальной культуре. Слои, лежащие выше горизонта нивелировки, содержат

Рис. 8. Выпукло-вогнутый шлак из кузнечной мастерской

Рис. 9. Гривна тордированная. Железо

Рис. 10. Разрез приочажной ямы

ощутимую долю «среднеднепровской» высококачественной круговой керамики, овручские пиррофиллитовые пряслица и ременные украшения «черниговской» школы (Мурашева, Ениосова, Фетисов, 2007. С. 44. Рис. 21; С. 45. Рис. 22, 4; С. 58. Рис. 38, 4, 9). Другие данные (прежде всего, распространение камерного обряда погребения) свидетельствуют об усилении «киевского влияния» после середины X в. (Нефедов, 1998. С. 41). На возможный насильственный характер этих изменений указывает выпадение целой группы кладов в 950 — начале 960-х гг. (Пушкина, 1999. С. 413). Археологические источники дают возможность предположить, что в середине X в. происходит перелом в отношениях между Гнездовом и Киевом. Вероятно, можно говорить об установлении прямой зависимости Гнездова от центральной киевской власти в середине X в. После событий 950-х гг. наступает период максимального расцвета Гнездова, обусловленный, вероятно, активным включением в бурный процесс становления древнерусского государства (расширение международной торговли и военной активности).

Наиболее интересные и хорошо сохранившиеся объекты относятся к финальному периоду существования производственного центра. Центром производственной зоны является развал большого каменного очага. В его середине зафиксирована мощная подушка прокаленной до оранжевого цвета супеси диаметром около 80 см. С востока к очагу примыкает яма правильной овальной формы с крутыми стенками и плоским дном (рис. 10). На ее дне зафиксирован плотный сажисто-углистый

слой. При разрушении очага часть камней обрушилась в яму. Возможно, этот предгорновой выем был создан для удобства работы с мехами, расположенными на перекрывающем яму помосте. Интересно отметить, что анализ грибных сообществ из приочажной ямы продемонстрировал присутствие спор грибов, разрушающих кератин и развивающихся на шерсти, перьях, волосах и коже. Возможно, это свидетельствует о присутствии в этом районе кожаных мехов (Марфенина, Иванова, Горбатовская, 2007. С. 160).

Слой, связанный с финальным этапом, изобилует находками, преобладающее количество которых связано с производственными процессами. Среди инструментов для литья доминируют тигли (рис. 11), на стенках некоторых из них сохранились мелкие капельки серебра (рис. 12).

С запада производственный участок ограничен межевой канавкой. На ее месте позже возвели столбовые ограды, сменявшие друг друга, на протяжении всей истории участка здесь существовала граница — сначала межа, затем ограда. В 13 м к западу была зафиксирована еще одна пограничная канавка, что заставляет предполагать усадебный характер застройки и позволяет сопоставить планировку гнездовского поселения с планировкой северо-европейских раннегородских центров, таких, например, как Рибе, Каупанг (Pilø, 2007. P. 199. Fig. 10).

Важно отметить, что в составе культурного слоя производственной зоны было обнаружено довольно большое количество фрагментов тонкостенных стеклянных сосудов

Рис. 11. Тигель. Глина

Рис. 12. Фрагмент тигля. Глина

Рис. 13. Накладки ременного набора. Медный сплав

Рис. 14. Складная бритва. Железо

Рис. 15. Фибула подковообразная. Медный сплав

и фрагментов амфор. Обе эти категории находок традиционно считаются маркерами высокого социального статуса владельцев. Такие находки — косвенное свидетельство того, что мастерская находилась в составе усадьбы, хозяева которой занимали высокую ступень на социальной лестнице.

Вероятно, события, вызвавшие гибель Гнездова, носили катастрофический характер. Несмотря на то, что верхняя кромка культурного слоя существенно размыта последующими весенними разливами Днепра, в составе финального горизонта читаются многочисленные уголки. Косвенным указанием на непростые обстоятельства является обилие в слое предметов, которые вряд ли могли быть случайно потеряны: крест-реликварий (Мурашева, 2009. С 170), ременной набор (рис. 13), складная бритва (рис. 14), подковообразная фибула (рис. 15).

«Портовый» участок

Первые структуры, связанные с портовым хозяйством Гнездова были открыты на северо-восточном берегу у озера Бездонка, ле-

жащего у подножия Центрального городища (Мурашева, 2007. С. 106–114). Расположение озера заставило предположить, что оно могло использоваться в качестве небольшой внутренней гавани.

Причалы и другие раннесредневековые портовые постройки варварской периферии Европы представляли собой достаточно простые сооружения. Одними из самых примитивных конструкций были различные «тверди» — настилы для удобного подхода к воде через топкие участки (Christophersen, 1999. P. 164. Fig. 7). Они могли использоваться не только для подхода к воде, но и вытаскивания судов.

Благодаря разведочному бурению, на северо-восточном берегу Бездонки был выявлен участок, в составе слоя которого читались прослойки дерева, это послужило основанием для проведения раскопок, в ходе которых обнаружилась целая система сменяющих друг друга несложных конструкций, которые можно интерпретировать как «тверди» для подхода к воде. В составе самого позднего из настилов (рис. 16), зафиксированы многочисленные плотно уложенные не крупные доски (максимальный размер — 63×15 см). Под слоем, насыщенным древесными остатками, обнаружены подстилающие его конструкции из бересты (рис. 17), условно названные «циновками». Они представляют собой коврики прямоугольной формы из крестообразно переплетенных, плотно уложенных полос бересты шириной до 20 см. Расстояние между «циновками» — 60–90 см, размер лучше всего сохранившейся — 112×75 см. Возможно, берестяные коврики использовались для гидроизоляции. Более ранний настил составлен из крупных досок, лежавших в направлении от озера Бездонка к первой надпойменной террасе.

К наиболее раннему этапу освоения участка относятся целая система «поверхностей», разделенных аллювиальными прослойками, и траншея, вытянутая в направлении от берега озера в сторону террасы. На бортах канавы зафиксированы остатки деревянной обкладки из тонких бревен и жердей. Данное сооружение можно интерпретировать, как небольшой внутренний «волок» для вытягивания судов на сушу. В составе заполнения канавы найдена корабельная деревянная уключина — знаковая находка, которую можно считать символом Гнездова, как речного порта (Меч и златник, 2012. С. 91. Кат. 219). На верхний край уклю-

Рис. 16. Фрагмент
дощатого настила

Рис. 17. Берестяная
«циновка»,
подстилающая настил
в «портовой» зоне

Рис. 18. Веревка из луба

чины с лицевой и оборотной стороны нанесен резной узор в виде стилизованной «лестничной» плетенки, указывающий на скандинавское происхождение корабельной детали. «Поверхности» раннего этапа представляют собой прослойки гумусированной супеси, насыщенной щепой и бессистемно лежащими древесными остатками. В рамках одного из слоев зафиксирован кол с привязанной к нему лубяной плетеной веревкой (рис. 18). Расположение этого объекта на берегу озера позволяет предположить, что он был одним из элементов несложной причальной системы и служил для привязывания лодок.

Важным маркером судоремонтной или судостроительной деятельности является относящаяся к ранним напластованиям смолокуренная яма (рис. 19). Ее диаметр в верхней части составляет 120×130 см, глубина — 120 см. Основная часть заполнения ямы — спекшиеся угли деревьев хвойных пород (Фетисов, Мурашева, 2008. С. 213–214). Смола могла использоваться в разнообразных целях, в том числе для обработки лодок и кораблей, расположение смолокуренного производства вблизи от причала представляется вполне обоснованным.

Рис. 19. Разрез смолокуренной ямы

«Прибрежная» или «портово-производственная зона»

«Портово-производственная зона» (раскоп ДП-1, общая площадь 256, 7 м²) была выявлена после анализа результатов детальной топографической съемки, показавшей возможные антропогенные нарушения древней топографии — на поверхности прочитались невысокие гряды, «валы», лежащие перпендикулярно урезу воды. Этот участок находится к югу от основной территории распространения культурного слоя, в «пляжной» зоне древнего русла Днепра. Обнаружение здесь пятна культурных отложений стало неожиданно и определило необходимость стационарных исследований. Мощность аллювия отложений здесь достигает 2–3 м. В 2007–2013 гг. были исследованы объекты, позволившие охарактеризовать этот участок как еще одну зону, связанную с приемом и обслуживанием прибывавших в Гнездово судов.

Структура участка оказалась сложной — здесь были выявлены многочисленные объекты, существенно отличающиеся от сооружений, исследованных в центральной части поселения. Культурные напластования хорошо стратифицированы и четко делятся на две свиты: раннюю и позднюю. Ранняя по составу керамической коллекции может быть предварительно датирована второй четвертью X в., поздняя — второй половиной X в. Поздние

слои отделены от ранних прослойкой аллювия толщиной до 20 см, что в условиях слабой поемности в гнездовское время (Бронникова, Зазовская, 2000. С. 199–201) свидетельствует о довольно длительном периоде, в течение которого участок не использовался и находился в запустении. Можно предположить, что период запустения связан с временным упадком раннегородского центра, начавшимся в результате событий середины X в., вследствие которых Гнездово оказалось в сфере влияния Киева, однако, точных оснований для соотнесения мощной аллювиальной прослойки с «горизонтом нивелировки» у нас пока нет.

Среди объектов, относящихся к раннему этапу, можно выделить следы обширного сгоревшего настила, доски которого были уложены перпендикулярно древнему руслу Днепра. Расположение деревянного настила вблизи от реки позволяет интерпретировать его как остатки «тверди» для подхода к воде и считать частью «портового хозяйства» Гнездова.

На более позднем этапе структура прибрежной зоны существенно усложняется — появляются оригинальные сооружения, типы которых зафиксированы в Гнездове впервые. Одним из первых объектов, возникших на участке после периода запустения, является столбовая конструкция. Размеры сооружения (в пределах исследованного участка) 3,2×6,6 м. Конструкция имеет подпрямоугольную форму и вытянута в направлении с севера на юг

Рис. 20. Разрез насыпного вала («мола»)

перпендикулярно урезу воды. Выделяются четыре линии мощных столбов диаметром от 25 до 40 см. Мощная система опор и отсутствие признаков жилого сооружения позволяют интерпретировать этот объект как остатки «пирса», который мог использоваться для швартовки судов во время весеннего половодья, когда, по свидетельству Константина Багрянородного, осуществлялись основные передвижения по пути «из варяг в греки» (Константин Багрянородный, 1982. С. 272). Пирсы, построенные перпендикулярно береговой линии, — обычная конструкция для раннесредневековых портовых городов Северной и Западной Европы (Kalmring, 2010. S. 91; Pilø, 2007. P. 137).

Безусловным проявлением закономерности в системе организации прибрежных участков можно считать наличие здесь, также как и на берегу озера Бездонка, смолокурной ямы. Ее диаметр в верхней части составляет 140 см, глубина — также 140 см. Материковые стенки ямы значительно прокалены, глубина прокала составляет до 10 см. В придонной части выявлено дополнительное углубление диаметром 20 см и глубиной 30 см для установки горшка, в который должна была стекать выработанная смола (Фетисов, Мурашева, 2008. С. 214). В нижней части заполнение смолокурни составляют мощные угольные слои.

На финальном этапе существования Гнездова система организации прибрежного пространства еще раз изменяется. На месте сгоревшего пирса, жители Гнездова начинают возводить насыпной вал — своего рода дамбу, — на южной оконечности которой поэтапно сооружаются производственные очаги, связанные с кузнечным делом (рис. 20). В процессе полевых исследований выявлены два сменявших друг друга очага. Более ранний очаг был разрушен, а пережженные камни и железные шлаки сброшены в ямы, окаймляющие вал. Высоту гряды увеличили за счет еще одной подсыпки, мощностью до 20–30 см. Очаг финального горизонта сохранился прекрасно — это большая каменная конструкция площадью около 4 м². Индикатором мастерской являются кузнечные клещи, лежавшие около очага (Пушкина, Мурашева, Енисова, 2012. С. 253). Расположение кузнечной мастерской на вершине насыпного вала в прибрежной зоне свидетельствует о том, что она могла использоваться не только в межень, но и весной, во время половодья, это позволяет предположить ее связь с судостроительной и судоремонтной деятельностью.

Рис. 21. Амфора. Глина

К позднему этапу относится и ряд углубленных построек, структура и находки в которых позволили предположить, что они могли использоваться как специальные прибрежные склады для временного хранения товаров. В заполнении одного из таких объектов был найден развал амфоры (рис. 21) «трапезундской» группы (Волков, 2006. С. 149–150; Мурашева, Довгалюк, Фетисов, 2009. С. 545. Рис. 4). Как известно, амфоры использовались для перевозки товаров водными путями.

Подтверждением тому, что торгово-хозяйственная деятельность близ уреза воды была сезонной, поскольку участок затапливался паводками (периодичность и интенсивность которых пока не установлены), служат аллювиальные прослойки, разделяющие некоторые строительные горизонты и последовательные «сезонные» затеки в бортах материковых ям (Мурашева, Панин, Фетисов, 2009. С. 144).

* * *

Итак, в ходе полевых работ 1999–2013 гг. Смоленской экспедиции Исторического музея на пойменной части поселения были сделаны первые шаги в области реконструкции исторической топографии пойменной части посада древнего Гнездова: исследованы жилые и производственные комплексы и впервые выявлены зоны, связанные с функционированием речного порта. Пойменный сектор гнездовского поселения может быть сопоставлен с киевским Подолом,

который также подвергался периодическим подтоплениям. В контексте изучения начального этапа становления политической системы Древней Руси одним из наиболее значимых результатов представляется получение

дополнительной, основанной на анализе археологических источников, информации о динамике изменений взаимоотношений Гнездова (древнего Смоленска) и центральной Киевской власти.

Литература

Бломквист Е.Э. Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов // Восточнославянский этнографический сборник. М., 1956.

Волков И.В. Амфоры Новгорода: хронология и распределение в слое // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Великий Новгород, 2006.

Константин Багрянородный. Об управлении империей // Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. М., 1982.

Марфенина О.Е., Иванова А.Е., Горбатовская Е.В. Опыт микологической биоиндикации некоторых культурных слоев Гнездовского поселения // Гнездово. Результаты комплексных исследований памятника. СПб., 2007.

Меч и златник. К 1150-летию зарождения Древнерусского государства. Каталог выставки. М., 2012.

Мурашева В.В. В поисках Гнездовского порта // РА. М., 2007. № 1.

Мурашева В.В., Авдусина С.А. Исследования притеррасного участка пойменной части Гнездовского поселения // Гнездово. Результаты комплексных исследований памятника. СПб., 2007.

Мурашева В.В., Ениосова Н.В., Фетисов А.А. Кузнечно-ювелирная мастерская пойменной части Гнездовского поселения // Гнездово. Результаты комплексных исследований памятника. СПб., 2007.

Мурашева В.В. 2009. Крест-мощевик из Гнездова // *Archeologia Abrahamica*. М., 2009.

Мурашева В.В., Довгалюк Н.П., Фетисов А.А. 2009. Византийские импорты с территории пойменной части Гнездовского поселения // Краеугольный камень. Археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран. Т. 1. СПб., 2009.

Мурашева В.В., Панин А.В., Фетисов А.А. Междисциплинарные исследования в археологии (по результатам исследования Гнездовского археологического комплекса) // Средние века. Вып 70 (3). М., 2009.

Нефёдов В.С. Гнездовский археологический комплекс и Путь из варяг в греки // Гнездово: история и современность. Смоленск, 1998.

Носов Е.Н. Новгородское (Рюриково) городище. Л., 1990.

Петренко В.П., Носов Е.Н. Об одном типе средневековых печей Поволховья // КСИА. Вып. 187. М., 1986.

Раппопорт П.А. Древнерусское жилище. М., 1975.

Семенов С.А. Некоторые дополнения о культовом и хозяйственном назначении хлебных печей конца IX—X вв. на Рюриковом городище // Древности Поволховья. СПб., 1997.

Сизов В.И. Курганы Смоленской губернии. Вып. I. Гнездовский могильник близ Смоленска // МАР 28. СПб., 1902.

Спицын А.А. Гнездовские курганы в раскопках С.И. Сергеева // ИАК 15. СПб., 1905.

Пушкина Т.А., Мурашева В.В., Нефёдов В.С. Новое в изучении центрального селища Гнездова // Гнездово. 125 лет исследования памятника. Труды ГИМ. Вып. 124. М., 2001.

Пушкина Т.А., Мурашева В.В., Ениосова Н.В. Гнездовский археологический комплекс // Русь в IX—X веках. Археологическая панорама. М. — Вологда, 2012.

Фетисов А.А., Мурашева В.В. Смолокурное производство в Гнездове // Стародавний Іскоростень і слов'янські гради. Т. II. Коростень, 2008.

Френкель Я.В. Опыт датирования пойменной части Гнездовского поселения на основании анализа коллекции стеклянных и каменных бус (по материалам раскопок 1999—2003 гг.) // Гнездово. Результаты комплексных исследований памятника. СПб., 2007.

Bailey J., Dungworth D., Paynter S. *Archaeometallurgy*. English Heritage. 2001.

Christophersen A. *The waterfront and beyond // Maritime Topography and the Medieval Town*. Copenhagen, 1999.

Galuška L. *Výrobní areál velkomoravských klenotníků ze Starého Města — uherského hradiště // Památky archeologické*. LXXX. Praha, 1989.

Kalmring S. *Der Hafen von Haithabu. Ausgrabungen in Haithabu*. Volume 14. Neumünster, 2010.

McLees C. Itinerant craftsmen, permanent smithies and the archaeobishop's mint: the character and context of metalworking in medieval Tronheim // *The Journal of the Historical Metallurgy Society*: Vol. 30, No. 2. London, 1996.

Pilø L. Evidence from the settlement Area 1956—1984 // *Kaupang in Skiringssal. Kaupang Excavation Project*. Publication Series. Vol.1. Aarhus, 2007.

Söderberg A. Metalliska spar efter gjuteriverksamhet — en skiss till en arkeologisk fältmetod // *Fornvännen*, 97. 2002.

Westphalen P. *Die Eisenshlacken von Haithabu // Berichte über die Ausgrabungen in Haithabu*. N 26. 1989.